

DOI: 10.31857/S013038640009144-6

© 2020 г. Т. Л. ЛАБУТИНА

АНГЛИЙСКИЕ ПОСЛЫ О КОРРУПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ЕКАТЕРИНИНСКОЙ РОССИИ

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).
E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Аннотация. В статье автор обращается к неизученной в современной исторической науке проблеме коррупции в высших эшелонах власти в правление Екатерины II. Анализ дипломатической переписки британских послов с государственным секретарем Великобритании, а также их мемуаров позволил заключить, что взяточничеством при дворе императрицы отличились первые лица государства: канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, вице-канцлер М. И. Воронцов, фаворит Екатерины Г. Потемкин и ряд других чиновников. Сама императрица получала финансовую помощь от английского короля Георга III еще до своего вступления на престол. Великая княгиня находилась в ту пору в весьма стесненном финансовом положении, нуждаясь в средствах прежде всего для подкупа сановников. Получив деньги от короля, она обещала расплатиться с ним «скорее своими услугами, чем деньгами». Она исправно исполняла инструкции английского посла в том, какие шаги предпринимать, на кого положиться из числа придворных при подготовке дворцового переворота, передавала секретные документы ему для ознакомления. Высокопоставленные российские чиновники становились информаторами дипломатов в силу корыстных побуждений, либо «особого» расположения к Британии — англофильства. Они снабжали послов секретной информацией, за что получали солидное вознаграждение. И хотя это являлось государственной изменой, однако никакого наказания они не понесли. Автор отмечает, что коррупция в высших эшелонах власти существовала во многих странах, в том числе и в самой Англии. В XVIII в. с этим социальным злом активно боролись идеологи просветительского движения. Но если высокопоставленные чиновники в Англии брали взятки от своих сограждан, то российская политическая элита «прославились» тем, что ее подкупали представители иностранных держав. Автор заключает, что с течением времени подобное социальное зло не исчезло. Коррупция продолжает существовать во многих странах мира, в том числе и в России.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, XVIII век, Екатерина II, Георг III, послы, политическая элита, государственные чиновники, коррупция.

T. L. Labutina

English Ambassadors on Corruption of Political Elite in Catherine's Russia

Tatyana Labutina, Institute of General History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Abstract. In her article the author studies the problem of corruption in the high echelons of power in the reign of Catherine II, which is not studied in modern historical science.

Analysis of the diplomatic correspondence of British ambassadors with the Secretary of State of Great Britain, as well as their memoirs, led to the conclusion that bribery at the court of the Empress distinguished the first persons of the state: Chancellor A. Bestuzhev-Ryumin, Vice-Chancellor M. Vorontsov, favourite of Catherine G. Potemkin and a number of other officials. The Empress herself was involved in obtaining financial assistance from the English king George III before her accession to the throne. The Grand Duchess was at that time in a very straitened financial situation, needing funds primarily for bribing dignitaries. When she received the money from the king, she promised to pay him "with her services rather than with money". She followed the instructions of the English ambassador on what steps to take, on whom to rely from among the courtiers in the preparation of the Palace coup, passed secret documents to him for review. High-ranking Russian officials often became informants of English diplomats due to either selfish motives or "special" disposition towards Britain – anglophilism. They supplied ambassadors with classified information, for which they received a substantial reward. Although this was treason, they did not suffer any punishment. The author notes that corruption in the high echelons of power existed in many countries, including England itself. In the 18th century ideologists of Enlightenment actively fought against this social evil. But if high-ranking officials in England took bribes from their fellow citizens, the Russian political elite was "famous" for being bribed by representatives of foreign powers. The author concludes that such social evil has not disappeared over time. Corruption continues to exist in many countries, including Russia.

Keywords: Great Britain, Russia, XVIII century, Catherine II, George III, ambassadors, political elite, government officials, corruption.

Дипломатическая переписка послов Великобритании при дворе Екатерины II¹ и их мемуары, помимо освещения переговоров по внешнеполитическим вопросам, содержат богатый фактический материал по истории внутренней политики России, а также характеристики императрицы, ее министров и приближенных. Заметим, что указанная информация не являлась случайной в донесениях послов. Она собиралась дипломатами по заданию короля Великобритании. Георг III, направляя одного из своих послов, графа Бэкингэмшира, в Россию, откровенно советовал ему озаботиться получением разведывательной информации: «Не забудьте постоянно сообщать нам подробности о ходе домашних дел при дворе ...о состоянии доходов императрицы, о количестве войска и флота, о политике императрицы, о ее видах и намерениях относительно ...дел в Европе, наконец, о внутренних партиях и волнениях, могущих обнаружиться в государстве»². По возвращении на родину король ожидал от посла подробного и полного отчета обо всем, что тот заметит при дворе императрицы, «о способностях и образе мыслей ее министров, об их интересах, взаимных отношениях и несогласиях, об их расположении к иностранным государям и государствам», а также «все ...подробности, могущие ...дать правильное понятие о ходе дел в этом государстве»³. Неудивительно, что каждый из послов считал необходимым сообщать в Лондон, что ему удалось узнать о деятельности императрицы и ее окружения – министров, придворных, ближайших родственников, поскольку рассматривали их как потенциальный источник получения сведений. Информаторами дипломатов нередко становились высокопоставленные российские чиновники, которые в силу корыстных побуждений, либо «особого» расположения к Британии –

¹ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. – Сборник императорского русского исторического общества, т. XII. СПб., 1873.

² Там же, с. 20.

³ Там же, с. 22.

англофильства, — снабжали послов секретной информацией. Разумеется, подобные услуги требовалось оплачивать.

Объектом особого внимания английских послов в первую очередь была сама императрица. Еще до вступления на престол на Екатерину стал оказывать влияние посол сэра Чарльз Уильямс. Ощутимым рычагом давления сделались деньги. Великая княгиня находилась в ту пору в весьма стесненном финансовом положении, нуждаясь в средствах прежде всего для подкупа сановников, а иногда, к примеру, чтобы приобрести понравившиеся ей драгоценности. Через Уильямса она решила обратиться за финансовой помощью к королю Великобритании и вскоре получила благоприятное известие из Лондона: «Все, что Вы предложили, разрешено с большим удовольствием, и 40 000 руб. находятся в Ваших руках и в Вашем распоряжении, — сообщил посол. — Король приказал Вам передать самые... любезные слова». Екатерина, тронутая знаками доверия Георга, просит Уильямса передать слова признательности: «Моя благодарность королю, Вашему государю, все увеличивается... Я надеюсь расплатиться с ним **скорее своими услугами, чем деньгами** (выделено мною. — Т. Л.), которые надеюсь ему возвернуть в исправности... Его доверие мне льстит, я надеюсь его заслужить». Давая подобные обещания, Екатерина сама себя убеждала: «в этом заключается благо России»⁴. Судя по документам, общая сумма, полученная ею от британского монарха, составляла 44 тыс. руб.

Передавать деньги великой княгине, высланные британским ведомством, вызвался сам Уильямс, заявив, что станет ее «верным банкиром». Посол давал советы Екатерине, как расходовать полученные средства («из этой суммы Вы будете забирать... постепенно по мере потребности»), извещал, каким образом княгиня сможет их получать («относительно способа передачи денег, когда Вам они будут нужны, ничего нет легче. Нарышкину стоит только сказать Свалло принести мне записку от Вас, и я перешлю сумму к Свалло через него же. Нарышкин может ее взять у него»). Давая подобные советы, Уильямс беспокоился относительно своей безопасности («моя личная безопасность требует, чтобы никто не мог когда-либо доказать, что я Вам доставлял деньги»). Однако самое главное, на чем настаивал посол, так это обязательство, которое великая княгиня должна была дать королю, собственноручно переписав его с присланного образца. В письме Уильямса прилагался текст расписки: «Я получила из рук британского посла сумму в десять тысяч фунтов стерлингов (44 тыс. руб. — Т. Л.), которую я обещаюсь возвернуть Его Величеству великобританскому королю, когда он ее от меня потребует»⁵. Екатерина подобную расписку дала (документ хранится в Государственном архиве РФ)⁶, хотя и сделала это неохотно, опасаясь, что расписка может попасть в посторонние руки. «Что Вы торопитесь с моей распиской на деньги, — возмущалась Екатерина в письме к Уильямсу. — Еще недостает 4 тыс. рублей»⁷. Примечательно, что в одном из последних писем к дипломату, узнав, что тот покидает Россию, Екатерина вновь просила англичан об очередном займе. «Милостивый государь, — писала она, — я буду говорить с Вами прямо: сделайте, чтобы мне дали вперед (если Вы это могли бы) такую сумму, какую я получила; если это возможно, **чтобы это было еще более в тайне, чем в первый раз** (выделено мною. — Т. Л.), и не могло ли бы это прийти без того, чтобы знали здесь, что это

⁴ Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса. 1756 и 1757 гг. М., 1909, с. 54, 56–57, 63.

⁵ Там же, с. 68, 79, 81.

⁶ Там же, с. 255.

⁷ Там же, с. 92, 257–258.

для меня, но для Вашего употребления или под другим каким-либо предлогом?»⁸. Так или иначе, но, судя по переписке, становилось очевидным: деньги от короля Великобритании Екатерина получила в полном объеме. Исследовательница О. И. Елисеева, внимательно изучившая переписку будущей императрицы с послом, упоминала о двух полученных великой княгиней от британцев займах: первый – 12 июля 1756 г. в размере 10 тыс., второй – 11 ноября в размере 44 тыс. руб.⁹ Однако последняя просьба великой княгини о займе, судя по всему, осталась без ответа.

Надо заметить, британский посол предпринимал также попытки склонить на свою сторону великого князя. И хотя он не обнаружил в нем своего сторонника, полагая, что тот «пруссак на смерть единственно из военного вкуса, и это доходит до того, что оно обратилось в страсть и основано на его темпераменте», тем не менее считал необходимым заручиться поддержкой Петра Федоровича, ссужая его деньгами. «Знаете ли Вы, что Его Высочество находится в большой нужде для получения 1600 рублей? – интересовался Уильямс у Екатерины. – Он просил ...достать ему их... я ему помогу. Простите ли Вы мне этот шаг, так как я думаю, что это подарок, предназначенный для одной особы, которая носит титул любовницы»¹⁰. Как видно, дипломат был хорошо информирован не только о финансовом положении великого князя, но и о его сердечных привязанностях.

Тот факт, что иностранные дворы всегда стремились покупать расположение наследников и претендентов с целью изменения внешнеполитического курса государства, признавала О. И. Елисеева. «Елизавета взошла на престол на французские деньги, руководима Шетарди, которому обещали прекратить войну России со Швецией, – отмечала она. – Сын Екатерины Павел за долгое царствование матери сблизился то с одним, то с другим двором, получая займы, и, наконец, обрел постоянных союзников в Пруссии». И как бы в оправдание явно неблагоприятных поступков Екатерины Елисеева заключает: «В этом ряду сотрудничество нашей героини с британским послом – не исключение, а правило»¹¹.

Надо заметить, что подкуп высших должностных лиц сделался обычным делом для сэра Уильямса. Не только великая княгиня и великий князь, но ряд высокопоставленных чиновников получали значительные денежные суммы от короля Великобритании через британского посла. Одним из них был известный канцлер граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Канцлер являлся сторонником союза России с Англией, что и позволило Уильямсу включить его в орбиту своих сторонников. По-видимому, посол сделал какие-то предложения Бестужеву-Рюмину, на это указывает письмо, которое канцлер попросил Уильямса возвратить по прочтении. В письме, в частности, говорилось: «Ваша записка, милостивый государь, меня очень обрадовала, а в особенности в виду того, что Вы убедились в моей привязанности. Это служит для меня полной наградой и уверением в том, что мои труды не пойдут напрасно в дело; будьте совершенно убеждены ...что всю мою жизнь, и днем, и ночью, я устремлю свою мысль только на то, чтобы быть приятным и полезным для служения Вам ...и даже в ущерб моей жизни, я буду Вам верен»¹². Уильямс известил Екатерину о просьбе канцлера денег у короля Великобритании. «Уже с некоторого времени великий канцлер просил меня предоставить ему крупную пенсию от короля, говоря, что ему давали здесь ежегодно лишь семь тысяч рублей и что на такое жалованье он не мог жить

⁸ Там же, с. 82, 92, 197.

⁹ Елисеева О. И. Молодая Екатерина. М., 2010, с. 303.

¹⁰ Переписка великой княгини..., с. 72, 82, 264, 275.

¹¹ Елисеева О. И. Указ. соч., с. 310.

¹² Переписка великой княгини..., с. 50.

по своему положению». Бестужев утверждал, что интересы России связаны с интересами Англии, а потому тот, кто служит хорошо России, может служить Англии. Таким образом, заключал канцлер, «он мог служить королю, не действуя против своей совести» и не нанося вреда своей государыне. Посол отвечал, что хотя канцлер оказал королю незначительные услуги, тем не менее он жалуется ему ежегодную пенсию в 12 тыс. руб. Канцлер поначалу не решился поверить в подобный исход дела, когда же пришел в себя, то попросил передать послу, что благодарит Его Величество: «Скажите ему, что мы заживем вместе наилучшим образом, что я сделаю все возможное для него, что постараюсь, чтобы приняли тотчас сто тысяч фунтов стерлингов (на содержание российских войск, направленных на защиту владений короля в Ганновере. — *Т. Л.*)»¹³.

Королевская пенсия, безусловно, подразумевала, что канцлер будет содействовать исполнению замыслов посла. Неудивительно, что Уильямс начал оказывать давление на Бестужева, чтобы заставить его ускорить возвращение ко двору возлюбленного Екатерины графа Станислава Понятовского. «Я даю Вам слово, — писал посол Екатерине, — что если он этого не сделает, я найду повод поссориться с ним; он никогда не получит ни одного су своей пенсии». В другом письме Уильямс обещал Екатерине: «Я поссорюсь с ним, я поссорю его с моим двором. Я это сделаю для Вас и моего друга»¹⁴. Однако канцлер не был всемогущ, а может и не очень-то желал возвращения ко двору Понятовского. Во всяком случае, хотя он и заверял Уильямса о своем желании «сделать все» для английского короля, тем не менее оттягивал решение столь важного для посла и великой княгини вопроса. В одном из писем Уильямс передал Екатерине свой разговор с канцлером, во время которого заявил, что обещанная ему денежная сумма «очень крупна» и что в настоящее время деньги находятся у него в руках: «Тогда у него (Бестужева-Рюмина. — *Т. Л.*) слюнки потекли, его глаза заблестели, он мне пожал руку: “Мы сделаем хорошие вещи”, — сказал он. И я убежден, что он так много думал об этих деньгах, что всю ночь не спал»¹⁵.

Примечательно, что высокопоставленный сановник не только не отказывался от пенсии короля Великобритании, но даже не стеснялся просить уплатить ему деньги за полгода вперед!¹⁶ Впрочем, Уильямс не торопился передавать обещанные деньги прежде, чем не дожидается выполнения со стороны канцлера его обещаний.

Из переписки великой княгини с послом мы узнаем, что не только Бестужев-Рюмин, но и другие высокопоставленные чиновники не стеснялись брать взятки от иностранных послов. Так, Уильямс, говоря о канцлере, упоминал, что не знает, сколько Бестужев получил от венского двора, но что он «отлично осведомлен о сумме, которую получил Апраксин». Посол извещал Екатерину также о том, что «французский двор делал подарок ценою от восьми до десяти тысяч рублей вице-канцлеру за то, что он восстановил назначение послов между обоими (русским и французским. — *Т. Л.*) дворами»¹⁷. Как видно, мздоимство высокопоставленных чиновников при дворе Елизаветы Петровны являлось делом привычным. «Рассказ о продажности русского кабинета — общее место дипломатических донесений из Петербурга середины XVIII в.», — утверждала О. И. Елисеева. Она приводила примеры мздоимства сановников, среди которых значились имена супругов Трубецких, братьев Шуваловых, вице-канцлера М. И. Воронцова и ряда

¹³ Там же, с. 77–78.

¹⁴ Там же, с. 135, 153.

¹⁵ Там же, с. 156.

¹⁶ Там же, с. 298.

¹⁷ Там же, с. 252, 282.

других¹⁸. Нередко члены правительства становились пенсионерами сразу от нескольких держав. К примеру, тот же Воронцов, известный сторонник сближения с Францией, обещал Уильямсу изменить свою позицию, если получит достойное вознаграждение от англичан. «Эмиссар Воронцова сказал мне, что... я ни разу не обращался к вице-канцлеру надлежащим образом, — сообщал Уильямс в Лондон, — что дом, который он строит в городе, был начат на английские деньги, но уж пять или шесть лет не может быть завершен, поелику сие также должно произойти за счет английских средств... Ежели не дам денег я, дадут другие»¹⁹.

Как же сановники «отрабатывали» полученные от посла немалые денежные средства? Бестужев-Рюмин, к примеру, делал все возможное, чтобы помешать сближению России с Францией. Как писала Екатерина, канцлер ей казался «очень подогретым Англией» и старался внушить отвращение к «французским козням, чтоб им воспрепятствовать». «Вот, что произвели 12 000 рублей!», — заключала великая княгиня и советовала послу продолжать свои действия, уверяя, что английские деньги непременно возьмут: «всеми руководит выгода, и в тот момент, когда Ивану Ивановичу (Бецкому) понадобятся деньги, он настоит на их принятии, чтобы получить из них свою долю... Он должен несколько миллионов, которые пошли на пустяки»²⁰. Во время одной из бесед с Уильямсом, которая продолжалась «два добрых часа», канцлер заявил, что посоветует великому князю «просить постоянно заседать на конференции» (где речь шла о приглашении французского посла в Россию. — *Т. Л.*), в противном случае он грозился, что вообще «не будет подписываться под докладом». Именно Бестужев способствовал возвращению Станислава Понятовского ко двору. Он также настоятельно добивался упращения отношений с Великобританией. 15 октября 1756 г. Екатерина пишет Уильямсу: «Канцлер велел сказать мне, что вчера на конференции хотели всеми силами порвать с Англией... Он (Бестужев) с яростью воспротивился этому, представляя стыд, гибель торговли, малую добросовестность Франции... Апраксин его поддержал... Потом канцлер велел просить меня написать Вам письмо для того, чтобы ...сказать ...что он взял верх над всеми, что не порвут вашего договора и что с целью сделать удовольствие Англии» он добился, чтобы российские войска, хотя они и перешли границу, далее не пойдут²¹.

Если подкупленные сановники старались действовать в интересах Великобритании, то в чем заключалась «благодарность» великой княгини, получившей солидную финансовую поддержку от английского короля? В одном из писем Екатерины заверяла Уильямса в своем желании «расплатиться» с королем и с английской нацией, «сделав все возможное» с помощью канцлера и других чиновников, чтобы помешать «всем глупостям». Великая княгиня уверяла Уильямса, что союз с Англией всегда будет для нее «священным» и что она считает его «полезным и необходимым для России»²². Завоевав доверие Екатерины, Уильямс начинает ее инструктировать, как действовать в том или ином случае, какие шаги предпринимать, на кого положиться из числа придворных и т.д. Так, посол, не доверяя канцлеру, писал Екатерине: «Как можно скорее сделайте что-либо решительное с канцлером. Посмотрите, друг ли он Ваш, то есть, хочет ли он Вам служить в том, что желательно Вам, так как если он не хочет, нужно произвести перемену, и я уже обдумал план о том». В другом письме Уильямс побуждал Екатерину

¹⁸ Елисеева О. И. Указ. соч., с. 311.

¹⁹ Там же.

²⁰ Переписка великой княгини..., с. 90.

²¹ Там же, с. 199, 205.

²² Там же, с. 184, 281.

действовать более решительно: «Если, наконец, великий канцлер не хочет Вам служить, нужно принять другие меры; и я умоляю Вас вовремя их обдумать, и я о них также подумаю»²³. Уильямс также настаивал, чтобы княгиня была более настойчива в отношении приближенных Елизаветы Петровны: «Если они (речь шла об Апраксине и братьях Шуваловых. — Т. Л.) хотят иметь надежду на Ваши будущие милости, то нужно, чтобы они заслужили их... Если они предложат повиноваться Вашим приказаниям, я Вам доставлю материал для того, чтобы испытать их покорность и чтобы служить пробным камнем их преданности»²⁴. Уильямс советовал великой княгине более полагаться на Нарышкина и Трубецкого, которые верны ей.

Завоевав доверие Екатерины, посол стал обращаться к ней с просьбами об информации относительно намерений русского двора, прежде всего в вопросах внешней политики. В ту пору Великобритания и Франция соперничали за первенство в заключении союза с Россией. С Францией в 1747 г. отношения были прерваны, но в октябре 1755 г. в Петербург прибыл агент секретной дипломатии Людовика XV Макензи Дуглас, в задачу которого входило добиться нормализации отношений между странами. Елизавета Петровна на этот счет высказывалась доброжелательно; с ней солидаризировались ее фаворит И. И. Шувалов и вице-канцлер граф Воронцов. В то же время канцлер Бестужев-Рюмин выступал за союз с Англией, его поддерживала великая княгиня.

В этих условиях Уильямс был вынужден приложить немало усилий, чтобы помешать французам закрепить свои позиции при русском дворе. В одном из писем к Екатерине посол просил «дать знать» о любой информации, которая до нее дойдет по этому вопросу. Великая княгиня обещала сообщать послу все, что ей «покажется достойным внимания»²⁵.

Екатерина охотно следовала советам британского посла. Так, обсуждая с ним кандидатуру будущего вице-канцлера (после занятия ею престола!), она обрадовалась, что посол одобрил ее выбор в лице Никиты Панина. Екатерина советовалась с Уильямсом по поводу кандидатуры Бутурлина как возможного их союзника. «Бутурлин прислал мне предложить свой голос на советах, прибавив, что он готов слепо следовать тому мнению, к которому я бы желала, чтоб он примкнул, лишь бы он знал его, — писала Екатерина. — Я предоставляю вам решить это (выделено мною. — Т. Л.) и думаю, что, несмотря на его слабость и плутовство, мы могли бы извлечь пользу из него»²⁶. Узнав о беспокойстве Уильямса за свою безопасность, Екатерина извещает, что направила канцлеру записку, в которой «имела случай изложить очень кстати» то, что ей «продиктовал» (выделено мною. — Т. Л.) посол. «Я ко всему этому присовокупила крепкую клятву в том, что Вы вовсе не его враг, как он мне это вполне определенно сказал очень туманными намеками», — завершала свое послание великая княгиня²⁷. Когда же канцлер не ответил на одно из ее писем, то она известила посла, что будет «применять» его правило: «никогда не быть в крайне хороших отношениях с ним», когда того пожелает. А далее Екатерина советовала воспользоваться алчностью канцлера, которая «подобна алчности паши» и которая навела ее на мысль предложить ему денег.

Время от времени Екатерина сообщала Уильямсу информацию об обсуждении при дворе (на «конференциях») вопросов внешней политики России²⁸. Она

²³ Там же, с. 134, 145.

²⁴ Там же, с. 215.

²⁵ Там же, с. 12.

²⁶ Там же, с. 211, 112.

²⁷ Там же, с. 254.

²⁸ Там же, с. 12–13.

передавала послу важные документы, попадавшие ей в руки, с просьбой возвратить их по прочтении. В частности, перевод депеши из Турции, присланный Екатериной, чрезвычайно заинтересовал посла. Он даже прочел его «с удовольствием три раза». «Я позволю себе сохранить на два или три дня бумагу по константинопольским делам, — писал Уильямс Екатерине. — Я хотел бы знать, что сказала императрица, прочитав эту депешу»²⁹. Иногда посол сам проявлял инициативу и просил свою корреспондентку разузнать об интересующих его событиях. «Я прошу Вас постараться узнать, что произошло на конференции в воскресенье вечером и вчера утром, — писал Уильямс 22 октября 1756 г. — Дуглас (посланник Франции. — Т. Л.) просит конференцию, чтобы сделать большие предложения со стороны французского короля». Когда же британцу не удалось помешать заключению Версальского договора, он попросил великую княгиню «раскритиковаться против такого коварства» и «объявить канцлеру, что великий князь воспротивится этому всеми своими силами и что Вы будете смотреть как на врагов России на всех тех, которые будут способствовать такому делу»³⁰.

Особого внимания заслуживает одно из последних писем Екатерины Уильямсу, в котором она просит передать слова благодарности королю Великобритании: «Я смотрю на английскую нацию, как на ту, союз с которой самый естественный и самый полезный для России, и эта идея укрепилась во мне воспоминанием о **личных обязательствах, по которым я должна и по которым я всегда хотела бы быть должной английскому королю**, так как я истинно привязана к нему... **Я охотно окажу мою поддержку кому бы то ни было, услугами коего английский король захочет пользоваться здесь**» (выделено мною. — Т. Л.)³¹. Прекрасно сознавая, какую помощь (не только своими советами, но и финансами) оказал ей английский посол, в прощальном письме от 2 июля 1757 г. Екатерина пишет: «Моя дружба и моя благодарность к Вам дошли до того, что... я никогда не буду в состоянии ничем расплатиться с Вами. **Я обращаю поэтому, коль скоро я смогу, мои обязательства к Вам на благо Вашей родины**» (выделено мною. — Т. Л.).

Информация, которую поставляла Екатерина Уильямсу, по-видимому, была не столь безобидной, если заставила историка Я. Л. Барскова признать, что великая княгиня выступала «на ролях английской шпионки»³². Насколько справедливо подобное утверждение исследователя творчества Екатерины II, судить трудно, но то, что посол оказывал на великую княгиню огромное влияние, очевидно. Кто знает, как сложились бы отношения тайных корреспондентов в дальнейшем, если бы Уильямс дожил до восшествия его «подопечной» на трон. Ведь он в шутку или всерьез предлагал свою кандидатуру на пост первого министра в ее будущем правительстве, быть может, памятуя о роли Э. И. Бирона при императрице Анне Иоанновне.

Став императрицей, Екатерина с неохотой вспоминала о своей переписке с Уильямсом. Продажа информации за деньги, подготовка государственного переворота в интересах иностранной державы³³, наконец, любовная связь с иностранным подданным (Станиславом Понятовским) — словом все, что нашло отражение в переписке, она старалась поскорее забыть. Не случайно в последних мемуарах знакомство с британским послом и Понятовским императрица описывала довольно бегло, а о своей роли в событиях, связанных с ними, вообще ни

²⁹ Там же, с. 50, 79, 81.

³⁰ Там же, с. 219, 242.

³¹ Там же, с. 338–340.

³² См.: *Елисеева О. И.* Указ. соч., с. 308.

³³ Подробнее см.: *Лабутина Т. Л.* Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019, с. 23–26.

словом не обмолвилась. Как отмечала историк М. А. Крючкова, 1756 г. оказался самым «провальным» в мемуарах Екатерины II. Полный вариант мемуаров скорее замалчивал события, чем сообщал о них. «Описание этого года — наглядный пример, как Екатерина-мемуаристка умела молчать и сколько всего она могла оставить за кадром своих “Записок”», — заключает автор³⁴. Не случайным нам представляется и тот факт, что в правление Екатерины II министры стали избегать контактов с иностранцами, поскольку «получение взятки от иностранной державы начали рассматривать как постыдное деяние. Его совершали в тайне, боясь разоблачения»³⁵. По-видимому, близкое знакомство с британским послом послужило императрице хорошим уроком и заставило ее ужесточить контакты сановников с иностранными дипломатами. Но коль скоро исключить таковые вовсе не представлялось возможным, то и взяточничества среди высокопоставленных чиновников избежать не удалось.

Сменивший Уильямса посол Роберт Кейт продолжил использовать начатую предшественником практику подкупа российских чиновников. В одной из депеш государственному секретарю Кейт упоминал о значительной денежной сумме (100 тыс. ф. ст.), которые ему были доверены королем. Не исключено, что эти средства шли на подкуп высокопоставленных чиновников (возможно, что и самой великой княгини), судя по тому, что дипломат отмечал: «Эти суммы выплачивались время от времени различным лицам»³⁶. Примечательно, что посол обращался к подкупу именно тогда, когда решались наиболее важные вопросы в отношениях двух государств. К примеру, во время обсуждения пролонгации торгового договора³⁷ он считал необходимым «кое-кого подкупить», для чего просил о выделении «необходимой денежной суммы» в свое распоряжение «в интересах королевской службы»³⁸.

Чтобы ускорить решение вопроса о торговом договоре, преемник Кейта граф Бэкингэмшир, также обратился к испытанному средству воздействия: подкупу влиятельных сановников. В одном из донесений в Лондон посол сообщал, что получил от канцлера Бестужева бумаги, которые содержали списки ущерба России от нападения английских крейсеров. При этом канцлер добавил, что и сам понес «значительную потерю в виде многих ценных предметов, посланных ему из Франции», однако не требует вознаграждения, а только докладывает об этом, «вполне полагаясь на милость Его Величества». Бестужев, как бы между прочим, сообщал послу, что имеет много долгов и «вследствие расстроенного здоровья не может много утомлять себя делами». Бэкингэмшир обещал передать содержание беседы королю, а затем, просмотрев бумаги, убедился, что понесенные канцлером убытки составляли немногим более 1,5 тыс., хотя тот говорил о 2 тыс. ф. ст. Однако посол считал, что если Его Величеству будет угодно «предписать выдачу этих денег», то это произведет «весьма благоприятное впечатление»³⁹.

Судя по всему, Бэкингэмшир был неплохо осведомлен о том, что сановники при дворе Екатерины «очень избалованы подарками», а потому предлагал для успешного решения вопроса о торговом договоре «сделать подарки» не только канцлеру, но также Г. Орлову, Н. Панину и вице-канцлеру А. Голицыну. И вскоре госсекретарь Великобритании уведомил посла, что король ждет от него

³⁴ Крючкова М. А. Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009, с. 221.

³⁵ Елисеева О. И. Указ. соч., с. 312.

³⁶ Memoires and Correspondence (Official and Familiar) of Sir Robert Murray Keith, vol. I. London, 2011, p. 34.

³⁷ Подробнее см.: Лабутина Т. Л. Указ. соч., с. 95–110.

³⁸ Memoires and Correspondence (Official and Familiar) of Sir Robert Murray Keith, p. 42.

³⁹ Дипломатическая переписка..., с. 70.

более подробную информацию касательно того, какую именно сумму следовало раздать лицам, упомянутым в депеше, и в каких размерах⁴⁰.

Надо отметить, что коррупция в екатерининской России процветала не только среди высокопоставленных чиновников, но и среди управленцев на местах. Об этом в своей книге о России поведал посол Джон Макартни. Он отмечал, что генерал-прокурор «получает неограниченное влияние и часто безграничное богатство, особенно если злоупотребляет своей властью». Дипломат полагал, что немногие из лиц, занимавших эту должность, остались честными, тогда как «подкуп господствовал во всех сферах государственной службы»⁴¹. Под началом 19 губернаторов 152 воеводы, которые от них зависят и им подотчетны. Губернские и воеводские канцелярии, особенно те, что находятся на значительном отдалении от столицы, должны брать на себя решение всех судебных, административных и исполнительных дел. Все правительственные решения (за исключением военных дел) посылаются воеводе или гражданскому чиновнику той местности, к которой они относятся, так что для надлежащего представления о делах, поступающих к чиновнику, он должен быть одинаково сведущ в законах, политике, финансах, промышленности, медицине, минералогии и т.д. «Естественно, — приходил к заключению Макартни, — при этих условиях весьма затруднительно найти в России лиц, годных для выполнения обязанностей такой обширной юрисдикции, где власть является безграничной, и злоупотребления совершаются безнаказанно». Между тем, продолжал посол, эти воеводы являются людьми «крайне бедными и невежественными», бывшими офицерами, уволенными со службы, либо лицами, потерявшими надежду на получение лучшей должности. Их жалованье редко превышает 600 руб., а порой не доходит и до этой суммы, так что «вымогательство становится для них подчас необходимым для поддержания существования»⁴².

Высказывания Макартни о коррупции в низших эшелонах власти являлись исключением. В депешах и дневниках большинства послов сохранились записи только о высокопоставленных чиновниках. Так, дипломат Джеймс Гаррис, отстаивая интересы Англии в вопросе о союзном договоре⁴³, полагался на поддержку, по его словам, своего «друга» — князя Г. Потемкина. Однако вскоре посол стал подозревать, что князь подкуплен противниками Англии, прежде всего Пруссией. Гаррис решил использовать аналогичное средство и просил госсекретаря дать разрешение на подкуп Потемкина. «Потрудитесь при этом помнить, — писал Гаррис в депеше министру, — что мы имеем дело с лицом, обладающим огромными богатствами и знающим цену того, о чем идет речь, так что нам приходится удовлетворять не его нужду, а его личность». Посол не исключал, что князь может запросить столько, сколько министр Людовика XIV Де Торси в 1709 г. предлагал герцогу Мальборо с целью привлечь того на сторону Франции. Речь шла о сумме в 2 млн фр.⁴⁴

В марте 1781 г. императрица подарила Потемкину, как полагал Гаррис, «без всякой причины» 40 тыс. ф. ст. На взгляд посла, князь «до того избалован, что счел эту сумму едва заслуживающей благодарности». В указе, отправленном казначейству, это вознаграждение предоставлялось князю Потемкину за помощь,

⁴⁰ Там же, с. 71–73.

⁴¹ An Account of Russia in 1767 by lord Macartney. London, 1768, p. 99–101.

⁴² Ibid., p. 119.

⁴³ Подробнее о пролонгации союзного договора между Англией и Россией см.: *Лабутина Т. Л.* Указ. соч., с. 111–214.

⁴⁴ Лорд Мальмсбюри (Гаррис) в России в царствование Екатерины II. — Русский архив, т. I, № 8. М., 1874, с. 370.

которую он оказал императрице при заключении вооруженного нейтралитета⁴⁵. Гаррис отметил такую деталь: князь «сам настоял на помещении этой крупной лжи, **во избежание на будущее время подозрения в том, что он был нами подкуплен**»⁴⁶ (выделено мною. — Т. Л.).

Таким пороком, как взяточничество, страдали и другие высокопоставленные чиновники Екатерины. Об этом Гаррис не преминул сообщить министру лорду Стормонту. «Вы, милорд, — писал он 13 декабря 1780 г., — не можете составить себе понятия о той степени, до которой в этой стране доведена продажность, об огромных размерах требований и о том нахальстве, с которым они предъявляются». И далее Гаррис отмечал, что французский, голландский и прусский министры «весьма щедры на этот счет». В качестве примера он приводил посла Франции, который «истратил (и без всякой пользы) огромные суммы», снабдив деньгами на покупку домов двух двоюродных братьев графа Панина и вице-канцлера. Каждый из этих домов, по мнению Гарриса, стоил от 4 до 5 тыс. ф. ст. Герцог Курляндский ежегодно тратит на подкуп до 20 тыс. ф. ст. и «может похвастаться тем, что между прочими лицами содержит на пенсии графа Панина, графа Чернышева и графа Остермана». Впрочем, сам Гаррис не отставал от других иностранных министров. «Вы можете быть уверены, милорд, — писал он лорду Стормонту, — что я буду бережлив, насколько возможно; но я должен платить за всякое сведение, которое мне удастся получить, и лица, сообщающие мне его, знают, как важно для меня получить его своевременно и с точностью»⁴⁷. И Гаррис платил сановникам. Один из его недоброжелателей, голландский резидент при дворе Екатерины, обнародовал в газете информацию, в коей обвинял Гарриса в том, что тот «пробовал подкупить русских министров». Примечательно, что императрица, узнав об этой публикации, не придавала ей никакого значения, а самого посла «отличила» даже больше, чем обыкновенно. Затем, обратившись к избранному обществу, с которым ужинала, она принялась шутить «чрезвычайно остроумно и юмористично»⁴⁸. Как видно, Екатерину II такие «шалости» британского посла, как попытки подкупа ее министров, не особенно волновали. И это не было случайностью, поскольку и сама императрица не брезговала обращаться к англичанам за финансовой помощью.

В одном из своих донесений в Лондон граф Бэкингэмшир остановился на эпизоде, связанном с просьбой императрицы о финансовом займе у британского короля. Посол сообщал о визите к нему Н. Панина, который передал просьбу Екатерины II об оказании ей «денежного пособия» в размере 600 тыс. руб. В противном случае, заявлял сановник, заключение торгового договора на условиях, предложенных королем, становилось невозможным. В ответном послании государственного секретаря писал: «Достоинство Его Величества не допускает, а положение его королевства не требует, чтобы король подкупал или заискивал для заключения союза, в котором Россия заинтересована, по меньшей мере, столько же, как и Великобритания»⁴⁹. Убедившись, что англичане отказались оказать финансовую помощь, императрица предложила ...выплатить королю 44 тыс. рублей, которые она в свое время у него одолжила через сэра Чарльза Уильямса. «Меня это очень поразило, — доносил в Вайтхолл Бэкингэмшир 31 марта 1764 г., — и я отвечал,

⁴⁵ Подробнее о вооруженном нейтралитете Екатерины II см.: *Лабутина Т. Л.* Указ. соч., с. 215–234.

⁴⁶ Лорд Мальмсбюри (Гаррис) в России в царствование Екатерины II. — *Русский архив*, т. II, № 11. М., 1874, с. 763–764.

⁴⁷ Там же, т. I, № 8, с. 440.

⁴⁸ Там же, т. II, № 11, с. 751.

⁴⁹ *Дипломатическая переписка...*, с. 146–148.

что это безделица, о которой, я уверен... двор забыл и нимало не заботится, и что мне было весьма неприятно сообщать об этом именно в то время, когда переговоры между обоими дворами приняли оборот, не вполне соответствующий желаниям». Панин, ведущий переговоры с послом, отвечал: императрице «будет весьма жаль, если этот поступок с ее стороны будет объяснен неправильно; что, напротив, так как в то время она нуждалась в деньгах, то почувствовала всю цену оказанной ей услуги и потому навсегда сохранит благодарное воспоминание об этих первых доказательствах дружбы Англии». Однако официальный Лондон категорически отказывался принять 10 тыс. ф. ст., предложенных в уплату суммы, выданной императрице в бытность ее великой княгиней. «Вам следует, — наставлял посла министр граф Сэндвич, — передать императрице, что королю особенно приятно воспоминание, сохраненное ею об этом деле в том отношении, что оно служит доказательством всегдашней искренней дружбы к ней Англии, но что в сущности это предмет слишком незначительный для того, чтобы Ее Величество заботилась об уплате»⁵⁰.

Чем же объяснялся отказ британского короля принять одолженные в свое время деньги Екатерине? Нам представляется, что Георг III, с одной стороны, опасался, как бы подобная история с подкупом будущей российской императрицы не стала достоянием широкой гласности, а с другой — не хотел и впредь упускать столь возможный и эффективный рычаг давления на Екатерину II. Однако, как показали последующие события, он глубоко ошибался: укрепившись на престоле, императрица больше не нуждалась в финансовой поддержке со стороны иностранной державы, а потому могла проводить самостоятельную внешнюю политику.

Следует отметить, что из числа высокопоставленных государственных чиновников Екатерины II, которых англичане подозревали в коррупции, исключение составлял Никита Панин. Так, посол Роберт Ганнинг обратил внимание на бескорыстие первого министра. И хотя он сомневался в откровенности Панина, однако был уверен в том, что тот «нисколько не изменил своему бескорыстию и что невозможно быть неподкупнее его»⁵¹. В одной из секретных депеш в Лондон другой посол, Чарльз Кэткарт, отмечал: «Саксония предлагала лицам, состоящим при этом дворе, 200 тыс. червонцев, от которых они отказались. Я узнал, что лица отказавшиеся суть: Панин, его брат генерал и Салдерн, и что императрица знает это. [Григорий] Орлов тоже человек неподкупный, но тем не менее сумма эта существует и была бы к услугам всякого, кто захотел бы взять ее и мог бы оказать полезным»⁵². На неподкупность Панина обращал внимание и Дж. Гаррис, заявляя, что «он недоступен для подкупа и ...везде, где ему случается действовать одному, поступки его безукоризненно честны»⁵³.

Отмечая неподкупность Панина, Ганнинг в то же время упоминал о попытках короля Пруссии Фридриха II склонить его на свою сторону. Поскольку Панин отличался «сильнейшим тщеславием, требующим постоянной пищи», писал в одной из своих депеш в Лондон Ганнинг, то король «старался льстить ему таким хитрым и приятным образом, что склонял его на сторону своих интересов». В чем же заключалась тактика Фридриха II? «Подарки, хотя и незначительной ценности, но частые и всегда сопровождаемые собственноручными письмами, наполненными самыми лестными выражениями, достигли действия, на которое

⁵⁰ Там же, с. 163–165.

⁵¹ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. — Сборник императорского российского исторического общества, т. XIX. СПб., 1876, с. 342.

⁵² Там же, с. 458–459.

⁵³ Лорд Мальмсбюри в России в царствование Екатерины II. — Русский архив, т. I, № 6. М., 1874, с. 1471–1472.

рассчитывало лицо дарившее, и заставили его смотреть на все лишь в том свете, в каком того желает его прусское величество», — констатировал Ганнинг⁵⁴. Дипломат приходил к заключению: до тех пор, пока граф Панин полагает, что английский двор недружелюбен к прусскому монарху, «которого он чуть не обожает», он будет неохотно относиться к теснейшему союзу с Великобританией.

Примечательно, что Ганнинг предлагал своему руководству занять «более активную позицию» по отношению к великому князю Павлу Петровичу. «Не следует ли заранее оказать внимание этому молодому принцу, который склонен к лести и может быть расположен в нашу пользу, — писал он в Лондон, — по крайней мере, в настоящую минуту, знаками отличия и внимания и бездельными подарками, как, например, английские экипажи, лошади и т.д.»⁵⁵

Нельзя сказать, чтобы подкуп российских сановников достигался англичанами легко. Неудачи в переговорах с императрицей по различным вопросам заставляли дипломатов нередко приходиться к неутешительным выводам. «Нам нечего больше ожидать от этого двора при обыкновенном ходе переговоров, — писал Гаррис в депеше 24 мая 1779 г. — Руководящие личности слишком богаты, чтобы согласиться на подкуп, слишком упрямы для убеждения и слишком необразованны, чтобы выслушать прямое слово правды»⁵⁶.

Любопытно, что английская исследовательница И. де Мадариага, изучавшая историю России в правление Екатерины II, считала, что подкуп больше не оказывал влияния на внешнюю политику российского государства. И если в прошлом канцлер А. П. Бестужев состоял на жалованье у Англии, канцлер М. И. Воронцов, кажется, в свое время брал деньги от Франции, то попытки Бэкингэмшира подкупить его «были так неуклюжи, что британскому правительству пришлось извиняться перед канцлером». Поговаривали, продолжала И. де Мадариага, что Макартни потратил 150 тыс. руб. из секретных фондов, хотя на самом деле эта сумма приближалась к 10 тыс. руб. Он добивался информации, но ни малейшего влияния на политику России не оказывал. «Даже Фридрих II как-то раз попробовал подкупить Никиту Панина при помощи поистине царского куша — 200 тыс. талеров. Но Панин оказался неподкупен, как и сама Екатерина». Историк приходила к заключению: «При русском дворе все еще можно было купить за деньги информацию, можно было даже ускорить ход тех или иных дел, если получатель взятки был достаточно высокопоставленным, но не более того»⁵⁷. Подобное суждение исследовательницы нам представляется не совсем оправданным. Ведь если подкуп сановников не играл никакой роли, то почему он столь активно использовался иностранными послами?

Зададимся также вопросом, а можно ли считать утверждения британских послов о взяточничестве екатерининских сановников объективными? И не распространялась ли подобная информация дипломатами намеренно с целью скомпрометировать императрицу и ее двор в общественном мнении не только в России, но и на Западе? На наш взгляд, доля истины в том, конечно же, была, однако исключать сам факт наличия коррупции в высших эшелонах власти при Екатерине II не представляется возможным, поскольку подобная информация содержалась в официальных донесениях послов в Лондон, а значит, не могла быть непроверенной или просто клеветнической. Конечно, случалось, как отмечала

⁵⁴ Дипломатическая переписка..., т. XIX, с. 355.

⁵⁵ Там же, с. 340–341.

⁵⁶ Лорд Мальмсбюри в России в царствование Екатерины II. — Русский архив, т. I, № 7. М., 1874, с. 155.

⁵⁷ *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002, с. 315.

И. де Мадариага, что дипломаты сообщали своему двору то, что им говорили (и это не всегда было правдой), либо то, что предполагали они сами (а они нередко ошибались)⁵⁸. Но, как правило, представленные послами сведения отвечали существующим реалиям.

Надо признать, что коррупция в высших эшелонах власти в ту пору существовала во многих странах, в том числе и в самой Англии. В XVIII в. с этим социальным злом активно боролись идеологи просветительского движения: Д. Дефо, Р. Стиль, Дж. Свифт, лорд Болингброк⁵⁹. Наибольшее возмущение у просветителей вызывала коррупция, широко распространенная в государственных учреждениях Англии. «Сила коррупции» сделалась «ангелом-хранителем» короля Вильгельма III Оранского, писал К. Маркс в работе «Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности». Он приводил факты подкупа правительства торговыми компаниями и Английским банком. В получении крупных взяток оказались замешанными многие высокопоставленные чиновники, и даже «сам добродетельный король был изобличен в получении 10 000 фунтов стерлингов»⁶⁰. Как видно, не только российская императрица, но и английский король запятнали себя мздоимством. Однако, в то время как высокопоставленные чиновники Англии брали взятки от своих сограждан, российская политическая элита, как выясняется, «прославилась» подкупом со стороны представителей иностранных держав. Чиновники снабжали послов секретной информацией, за что получали солидное вознаграждение. И хотя это являлось государственной изменой, никакого наказания они не понесли. Как бы то ни было, но с течением времени подобное социальное зло не исчезло. Коррупция продолжает существовать во многих странах мира. К сожалению, процветает она и в современной России.

Библиография

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. — Сборник императорского российского исторического общества, т. XII. СПб., 1873, с. 500; т. XIX. СПб., 1876, с. 547.

Крючкова М. А. Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009.

Лабутина Т. Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019.

Лабутина Т. Л., Ильин Д. В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012.

Лорд Мальмсбюри (Гаррис) в России в царствование Екатерины II. — Русский архив, т. I, № 6, с. 1465–1512; № 7, с. 143–186; № 8, с. 349–440; т. II, № 11. М., 1874, с. 737–898.

Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 9. М., 1957.

Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса. 1756 и 1757 гг. М., 1909.

An Account of Russia in 1767 by lord Macartney. London, 1768.

Memoires and Correspondence (Official and Familiar) of Sir Robert Murray Keith, vol. I. London, 2011.

References

Diplomaticskaia perepiska angliiskikh poslov i poslannikov pri russkom dvore. — Sbornik imperatorskogo rossiiskogo istoricheskogo obshchestva [Diplomatic correspondence of English

⁵⁸ Там же, с. 379.

⁵⁹ Подробнее см.: Лабутина Т. Л., Ильин Д. В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012, с. 114–121.

⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 9. М., 1957, с. 152.

ambassadors and envoys to the Russian court. – Collection of the Imperial Russian historical society], vol. XII. Saint-Petersburg, 1873, p. 500; vol. XIX. Saint-Petersburg, 1876, p. 547. (In Russ.)

Kryuchkova M. A. Memuary Ekateriny II i ikh vremia [Memoirs of Catherine II and their time]. Moscow, 2009. (In Russ.)

Labutina T. L. Britanskie diplomaty i Ekaterina II. Dialog i protivostoianie [British diplomats and Catherine II. Dialogue and confrontation]. Saint-Petersburg, 2019. (In Russ.)

Labutina T. L., Ilyin D. V. Angliiskoe Prosveshchenie: obshchestvenno-politicheskaia i pedagogicheskaia mysl' [English Enlightenment: socio-political and pedagogical thought]. Saint-Petersburg, 2012. (In Russ.)

Lord Mal'msbiuri (Garris) v Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II. – Russkii arkhiv [Lord Malmesbury (Harris) in Russia in the reign of Catherine II. – Russian archive], vol. I, № 6, p. 1465–1512; № 7, p. 143–186; № 8, p. 349–440; vol. II, № 11, p. 737–898. Moscow, 1874. (In Russ.)

Madariaga I. de. Rossiia v epokhu Ekateriny Velikoi [Russia in the era of Catherine the great]. Moscow, 2002. (In Russ.)

Marx K., Engels F. Soch., 2-e izd., [Compositions, 2-ed.], vol. 9. Moscow, 1957. (In Russ.)

Perepiska velikoi kniagini Ekateriny Alekseevny i angliiskogo posla sera Charl'za G. Uil'iamsa. 1756 i 1757 gg. [Correspondence between Grand Duchess Catherine Alexeyevna and the English Ambassador, sir Charles G. Williams. 1756 and 1757]. Moscow, 1909. (In Russ.)

An Account of Russia in 1767 by lord Macartney. London, 1768.

Memoires and Correspondence (Official and Familiar) of Sir Robert Murray Keith, vol. I. London, 2011.